

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 341.945

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-175-180

ПОНЯТИЕ И МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

АЛЬКОВА Марина Александровна*

✉ alkova_marina@mail.ru

Ул. Вольская, 1, Саратов, 410056, Россия

Аннотация. В международном частном праве одним из базовых принципов выступает принцип международной вежливости, нормативное закрепление которого обеспечивает такой самостоятельный институт, как нормы непосредственного действия, получившие в доктрине более широкое распространение под названием «сверхимперативные нормы», призванные в строго определенных случаях заблокировать действие как коллизионных норм национального законодательства, так и принципа автономии воли сторон. До настоящего времени ни в доктрине, ни в правоприменительной деятельности нет единого понимания правовой природы сверхимперативных норм, что предопределяет актуальность темы данной научной статьи, в которой делается попытка выявить сущностные особенности этого вида норм.

Ключевые слова: принцип международной вежливости, международное частное право, сверхимперативные нормы, наиболее слабая сторона.

The Concept and Mechanism of the Application of Super-Imperative Rules of Private International Law

Al'kova Marina A.**

✉ alkova_marina@mail.ru

1 Volskaya st., Saratov, 410056, Russia

Abstract. In international private law one of the basic principles is the principle of international politeness, the normative consolidation of which is provided by such an independent institution as direct action norms that have become more widely used in the doctrine as “super-imperative norms”, designed in strictly defined cases to block action as conflict norms of national legislation and the principle of autonomy of the will of the parties. So far, neither in the doctrine, nor in law enforcement activity there is a single understanding of the legal nature of super-imperative norms, which predetermines the relevance of the topic of a scientific article chosen by the Author, in which an attempt is made to identify the essential distinctive features of this type of norms.

Keywords: principle of international courtesy, private international law, super-imperative norms, weaker party protection.

* Старший преподаватель кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

** Senior Lecturer of the Department of International Law at Saratov State Law Academy, Candidate of Legal Sciences.

Одним из принципов международного частного права выступает принцип международной вежливости, имеющий целью повысить эффективность и частоту применения национального права иностранного государства при рассмотрении и разрешении трансграничных частноправовых споров, а также при признании и исполнении иностранных судебных актов.

Согласно решению Верховного Суда США по делу «Хилтон против Гуйота» (*Hilton vs Guyot*), наиболее почитаемому и влиятельному при формулировании определения исследуемого понятия в западной науке международного частного права, вежливость, не являясь ни предметом абсолютного обязательства, ни проявлением любезности и доброй воли, служит признанием, которое одно государство выражает в пределах своей территории в адрес законодательных, исполнительных или судебных актов другого государства, должным образом принимая во внимание как международную обязанность и удобство, так и права его собственных граждан или иных лиц, находящихся под защитой его законов [4, с. 167–168].

Исходя из вышеприведенного определения можно утверждать многоаспектность принципа международной вежливости, что также подтверждается и практикой судов США по гражданским и коммерческим делам, выделяющей следующие основные направления: «законодательная вежливость», выражаясь в экстерриториальном действии внутригосударственного законодательства; «судебная вежливость», выражаясь в осуществлении судебной юрисдикции; «исполнительная вежливость», формирующая отношение судов к актам иностранных властей; вежливость по признанию иностранных судебных решений [4, с. 169].

Австралийские суды же квалифицируют вежливость в качестве правовой презумпции, которая может быть преодолена явным указанием на намерение законодателя придать своему законодательству экстерриториальный эффект [4, с. 170].

Указанный экстерриториальный эффект достигается за счет такого института, как сверхимперативные нормы, призванные охранять особо значимые национальные интересы государства.

По мнению О. В. Новиковой, сверхимперативные нормы и принцип международной вежливости находятся в тесной взаимосвязи. С одной стороны, сверхимперативные нормы

способствуют более четкому нормативному закреплению принципа международной вежливости, а также отчасти и защите публичного порядка, основанного на данном принципе. С другой стороны, принцип международной вежливости призван предотвратить необоснованное увеличение количества анализируемых норм, которые по существу не затрагивают основополагающие интересы государства [6, с. 68].

В российском праве указанные нормы получили наименование норм непосредственного действия, в европейском международном частном праве используется термин “*overriding mandatory rules*”, что в переводе с английского языка означает «преобладающие императивные нормы».

Однако наибольшее распространение в отечественной доктрине и судебной практике получил такой термин, как «сверхимперативные нормы».

А. А. Шулаков, выступая сторонником закрепления на законодательном уровне термина «сверхимперативные нормы» вместо «норм непосредственного действия», подчеркивает, что первый не только полностью соответствует правилам русского языка и юридической технике, но также за счет приставки «сверх» указывает как на иерархию, так и на систему норм в терминологической связке «сверхимперативные нормы – императивные нормы» [10, с. 85].

Правовая природа сверхимперативных норм весьма сложна, поскольку, будучи тесно взаимосвязанными с публичным порядком, они все же представляют собой самостоятельный институт, который, имея во многом оценочный характер, является пограничным мостом между частным и публичным правом.

В действующем гражданском законодательстве отсутствует норма-дефиниция, определяющая исследуемое понятие.

Согласно ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) можно лишь выделить два вида норм непосредственного действия: к первому относятся нормы, содержащие прямое указание на их применение, независимо от применимого права, а ко второму – нормы, направленные на подчинение себе соответствующих отношений ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

Анализируемая категория является не постоянной, а перманентной. Это объясняется тем,

что сама необходимость нахождения и квалификации той или иной императивной нормы в качестве сверхимперативной возникает исключительно в сфере трансграничных правоотношений. Именно международное частное право в целом, основывающееся на необходимости выбора применимого права, является причиной возникновения данного института, распространяющего свое действие на все сферы частноправовых отношений.

Вследствие этого данные нормы можно идентифицировать в области договорных и внедоговорных обязательств, в сфере интеллектуальной собственности, а также в брачно-семейных и наследственных правоотношениях

В случае же рассмотрения внутреннего спора, не осложненного никаким иностранным элементом, данная норма будет квалифицироваться как обычная императивная норма и в установлении ее сверхимперативности вовсе нет необходимости.

Сверхимперативные нормы предусматривают свой собственный порядок применения. Механизм действия анализируемых норм заключается в том, что они, блокируя действия национальных коллизионных норм, а также принцип автономии воли сторон, напрямую регулируют ту область трансграничных частноправовых отношений, которая подпадает под сферу их действия.

Указанный механизм отличается достаточной гибкостью, поскольку не исключает возможности применения иностранного права по тем вопросам, которые не урегулированы сверхимперативной нормой.

Кроме того, в отличие от оговорки о публичном порядке, которая предполагает применение исключительно своего национального права и тем самым не просто ограничивает, а полностью нейтрализует применение иностранного правопорядка, институт сверхимперативных норм предполагает в силу п. 2 ст. 1192 ГК РФ применение как своих национальных сверхимперативных норм, так и императивных норм права того государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано. Однако если применение сверхимперативных норм российского права выступает обязанностью суда, то сверхимперативные нормы другой страны «суд может принять во внимание», если сочтет, что для этого есть основания, установленные в законе [5].

Следует отметить, что институт сверхимперативных норм является самостоятельным

от института оговорки о публичном порядке, который, на наш взгляд, по иерархии стоит ниже норм непосредственного действия. Так, оговорка о публичном порядке опирается на невыраженные нормы и применяется в ситуации, когда найти конкретную норму права затруднительно. Когда же есть возможность определить такую норму, действует именно институт сверхимперативных норм [6, с. 75].

Следующая характеристика исследуемой нормы заключается в ее исключительно материально-правовой природе.

Как верно отмечает в своем диссертационном исследовании О. Ф. Засемкова, сверхимперативные нормы, действующие в плоскости материально-правового метода и разрешающие лишь отдельный вопрос трансграничного спора по существу, необходимо отличать от односторонних коллизионных норм, выступающих средством выражения коллизионного метода регулирования. Последние определяют российское право в качестве применимого права, которое будет регулировать абсолютно все аспекты соответствующего спорного правоотношения, а не его части, что потребует обращения к материально-правовым нормам российского законодательства [2, с. 50–52].

По верному утверждению В. Л. Толстых, императивные нормы международного частного права применяются исключительно в сфере действия двусторонних коллизионных норм, ставя на пути их реализации непреодолимый барьер [9, с. 376].

Кроме того, к сверхимперативным нормам нельзя относить также процессуально-правовые нормы. Например, А. А. Шулаков к сверхимперативным нормам наряду с материально-правовыми нормами, содержащимися в ст. 1, п. 1 ст. 10, ст. 169, п. 1 ст. 421 ГК РФ, ст. 12, ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации, п. 2 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, относит процессуально-правовую норму, закрепленную в ст. 403 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и предусматривающую исключительную подсудность дел с участием иностранных лиц [10, с. 91].

Данный подход является неверным, поскольку в международном гражданском процессе изначально не возникает вопроса выбора компетентного правопорядка [2, с. 52].

Следующая наиважнейшая отличительная черта сверхимперативных норм заключается

в ее цели. По мнению О. Ф. Засемковой, целью исследуемых норм выступает «защита интересов, имеющих особое значение для принявшего норму государства – выражаемые такими положениями интересы и ценности имеют столь важное значение для государства, что оно ни при каких обстоятельствах не может допустить их нарушения или поставить их под угрозу» [2, с. 52].

По мнению А. А. Шулакова, сверхимперативные нормы призваны отстаивать публичные интересы, являющиеся конституционно значимыми ценностями, имеющими принципиальное значение для политического, социального или экономического устройства страны [10, с. 91].

В статье 1192 ГК РФ, как уже ранее было указано, сверхимперативная норма подлежит применению ввиду особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

При этом оговорка «в том числе», как верно отмечается в учебной литературе, означает, что особое значение исследуемых норм вовсе не должно ограничиваться соображениями обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота. Вследствие чего круг сверхимперативных норм не является исчерпывающим [5].

Таким образом, основываясь на доктринальных и законодательных формулировках, мы можем однозначно констатировать возможность и целесообразность широкого толкования такого интереса, как публичный, соблюдение которого выступает единственной целью исследуемых норм.

Широкого подхода к толкованию публичного интереса придерживаются также и в европейском международном частном праве, которое отличается дилеммой, выражющейся в наличии двух правопорядков: наднационального права Европейского союза и национального права государств – членов Европейского союза.

Согласно п. 1 ст. 9 Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 17 июня 2008 г. № 593/2008 о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим I)¹, преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых при-

здано страной в качестве имеющего ключевое значение для охраны ее публичных интересов, таких как ее политическое, социальное или экономическое устройство, в такой степени, в какой они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно настоящему Регламенту.

Вновь, как и в отношении российской законодательной формулировки, зарубежные ученые обращают внимание на формулировку “such as” (в переводе с англ. языка «таких как»), что позволяет утверждать, что публичные интересы не ограничиваются политическим, социальным или экономическим устройством [11, с. 147–148].

При этом возникает вопрос о том, является ли целью сверхимперативных норм с учетом использования формулировки “as crucial by a country” (в переводе с англ. языка «ключевые для страны») соблюдение публичных интересов именно государства – члена Европейского союза либо публичных интересов всего Европейского союза в целом, основывающегося на четырех свободах: передвижения товаров, лиц, услуг и капитала [11, с. 148]?

Отвечая на данный вопрос, следует отметить, что каждое государство, входящее в такую региональную надгосударственную международную организацию, как Европейский союз, обязано обеспечивать интересы ЕС как свои собственные. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что сверхимперативные нормы обеспечивают публичные интересы как государств – членов организации, так и Европейского союза в целом [11, с. 154–155].

Стоить отметить, что широкий подход при толковании термина «публичный интерес» в европейском международном частном праве стал причиной создания так называемых сверхимперативных норм второго поколения, председающих такую цель, как защита интересов наиболее слабой стороны (потребителя, работника), нарушение которых следует рассматривать как угрозу для гражданского общества [11, с. 150].

Ярким примером служит сфера защиты прав потребителей, которая на основании ст. 38 Хартии Европейского Союза об основных правах

¹ Regulation (EC) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17.06.2008 on the Law Applicable to Contractual Obligations (Rome I) // OJ. L 177/6. 04.07.2008.

² OJ. C 202/389. 07.06.2016.

(ред. от 7 июня 2016 г.)² обеспечивается на высоком уровне политикой самого Европейского Союза.

Данный вывод справедлив и обоснован по двум причинам. Во-первых, публичный интерес не тождествен государственному интересу. Во-вторых, еще в римском частном праве отмечалось, что нормы частного права, продиктованные «прямыми или непосредственными интересами частных лиц, всегда в большей или меньшей степени косвенно реализуют, непосредственно или опосредованно, интересы всего общества» [7, с. 62–63].

Вследствие этого находим весьма удачным и логичным раскрытие в ст. 1192 ГК РФ «особого значения сверхимперативных норм», выражавшегося в первую очередь в обеспечении прав и охраняемых законом интересов именно участников гражданского оборота.

В отечественной науке можно встретить достаточно много сторонников признания действия сверхимперативных норм в интересах наиболее слабой стороны. Так, В. А. Канашевский, рассматривающий договор международной воздушной перевозки пассажиров, совершен но справедливо указывает на непосредственное действие в данной сфере норм Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³, которые должны определяться на основе такого критерия, как выражение наиболее важного значения для защиты прав потребителей (пассажиров). В частности, к таким положениям В. А. Канашевский относит ст. 15 Закона «О защите прав потребителей» наряду со ст.ст. 151, 1100 ГК РФ, предусматривающие компенсацию морального вреда [3, с. 101, 107].

О. Ф. Засемкова, также признавая предписания, защищающие слабую сторону договора в качестве сверхимперативных норм, формулирует два основных критерия, которым последние должны соответствовать. Во-первых, указанная норма должна не только защищать интересы слабой стороны, но и реализовывать важные публичные интересы государства. Во-вторых, публичный интерес, защищаемый нормой, должен иметь преимущественное, самостоятельное значение [1, с. 21].

Однако, на наш взгляд, определение этих двух критериев не является необходимым, поскольку

наиболее слабая сторона не представляет собой конкретного физического лица, желающего удовлетворить свои сугубо частные законные интересы.

По верному утверждению С. А. Синицына, «слабая сторона договора представляет собой охраняемый законодательством стандарт, определяемый при помощи принципов и начал гражданского законодательства, и никак не исчерпывается только индивидуальными характеристиками субъекта гражданского права» [8, с. 16].

С. А. Синицын пишет: «Гражданко-правовая защита интересов слабой стороны в договоре призвана сбалансировать права и интересы договаривающихся сторон, допуская вынужденное отступление от принципа свободы договора как вынужденную меру и экстраординарный способ защиты нарушенных гражданских прав, востребованный в нетипичных обстоятельствах возникновения и осуществления гражданских прав и обязанностей» [8, с. 16].

Таким образом, институт наиболее слабой стороны в силу своей правовой природы служит защите как публичных, так и частных интересов, поэтому определение того, что сверхимперативная норма, защищающая слабую сторону договора, должна не только защищать интересы указанного субъекта, но и прежде всего реализовывать важные публичные интересы государства, на наш взгляд, является нецелесообразным.

В заключение отметим, что в настоящее время институт норм непосредственного действия является одним из самых дискуссионных как в отечественной, так и в зарубежной науке международного частного права, что выступает благотворной почвой для всестороннего и гармоничного совершенствования исследуемого института.

Важным аспектом исследования института норм непосредственного действия выступает, на наш взгляд, недопустимость искусственно го разделения «публичных» и «частных» интересов, поскольку в сверхимперативной норме должен присутствовать симбиоз последних, что в свою очередь предопределяет целесообразность признания за императивными нормами, отстаивающими наиболее важные права слабой стороны договора, их непосредственного действия в области международного частного права.

² РОС. газ. 1996. 16 янв.

Список литературы

1. Засемкова О. Ф. О квалификации положений, направленных на защиту слабой стороны договора, в качестве сверхимперативных норм // Международное публичное и частное право. 2015. № 4. С. 17–21.
2. Засемкова О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 250 с.
3. Канашевский В. А. Определение применимого права к договору международной воздушной перевозки пассажиров в российской судебной практике // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 99–110.
4. Красиков Д. В. Доктрина международной вежливости: публичный порядок в международном частном праве (подход судов США и Австралии). (Обзор) // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2018. № 2. С. 167–175.
5. Международное частное право : учеб. : в 2 т. / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабатовой. М. : Статут, 2011. Т. 1. 208 с.
6. Новикова О. В. Концептуальные основы оговорок о публичном порядке и нормах непосредственного применения в английском праве // Закон. 2013. № 2. С. 67–77.
7. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учеб. М. : Норма, 2007. 464 с.
8. Синицын С. А. Защита интересов слабой стороны договора: исключение из принципа относительности договорных обязательств как проявление тенденции социализации в развитии современного гражданского законодательства? // Адвокат. 2015. № 10. С. 14–21.
9. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2004. 526 с.
10. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex russica. 2018. № 4. С. 81–97.
11. Laura Maria van Bochove. Overriding Mandatory Rules as a Vehicle for Weaker Party Protection in European Private International Law // Erasmus Law Review. 2014. Vol. 7. Iss. 3. P. 147–148. DOI: 10.5553/ELR.000030.

References

1. Zasemkova O. F. O kvalifikatsii polozhenii, napravlennykh na zashchitu slaboi storony dogovora, v kachestve sverkhimperativnykh norm [The Problem of the Qualification of the Weaker Party's Protective Rules as the Super-Imperative Rules]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – Public International and Private International Law*, 2015, no. 4, pp. 17–21.
2. Zasemkova O. F. Sverkhimperativnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava: ponyatie, priznaki, praktika primeneniya. Dis. kand. yurid. nauk [Super-Imperative Rules of Private International Law: Concept, Features, Practice. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2017. 250 p.
3. Kanashevskiy V. A. Opredelenie primenimogo prava k dogovoru mezhdunarodnoi vozдушnoi perevozki passazhirov v rossiiskoi sudebnoi praktike [Definition of the Applicable Law to the Treaty on International Passenger Air Service in Russian Judicial Practice]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2015, no. 10, pp. 99–110.
4. Krasikov D. V. Doktrina mezhdunarodnoi vezhlivosti: publichnyi poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave (podkhod sudov SShA i Avstralii). (Obzor) [The Doctrine of International Courtesy: Public Policy in Private International Law (the Approach of the Courts of the United States and Australia). (An Overview)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo – Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2018, no. 2, pp. 167–175.
5. Lebedev S. N., Kabatova E. V. (Eds.). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo*. T. 1. [International Private Law. Vol. 1]. Moscow, Statut Publ., 2011. 208 p.
6. Novikova O. V. Kontseptual'nye osnovy ogovorok o publichnom poryadke i normakh neposredstvennogo primeneniya v angliiskom prave [The Conceptual Basis of Reservations About Public Policy and the Rules of Direct Application in English Law]. *Zakon – Law*, 2013, no. 2, pp. 67–77.
7. Sinitsyn S. A. Zashchita interesov slaboi storony dogovora: isklyuchenie iz printsipa otnositel'nosti dogovornyykh obyazatel'stv kak proyavlenie tendentsii sotsializatsii v razvitiyu sovremenennogo grazhdanskogo zakonodatel'stva? [Defence of Interests of the Weaker Party of the Contract: Exception from the Principle of Relativity of Contractual Obligations as Manifestation of the Trend of Socialization in the Development of Modern Civil Legislation?]. *Advokat – Advocate*, 2015, no. 10, pp. 14–21.
8. Tolstykh V. L. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie* [Private International Law: Conflict of Laws Regulation]. St. Petersburg, Yurid. tsentr «Press» Publ., 2004. 526 p.
9. Sanfilippo Ch. *Kurs rimskego chastnogo prava* [The Course of Roman Private Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 464 p.
10. Shulakov A. A. Publichnyi poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy tolkovaniya i primeneniya sverkhimperativnykh i imperativnykh norm [Public Policy in Private International Law and Problems of Interpretation and Application of the Super Mandatory and Mandatory Provisions]. *Lex Russica*, 2018, no. 4, pp. 81–97.
11. Laura Maria van Bochove. Overriding Mandatory Rules as a Vehicle for Weaker Party Protection in European Private International Law. *Erasmus Law Review*, 2014, vol. 7, iss. 3, pp. 147–148. DOI: 10.5553/ELR.000030.